

Кыргызские письменные рассказы и классификация М. Ауэзовым казахской фольклорной прозы Акматав Б. М.

*Акматав Болотбек Мекенович / Akmatov Bolotbek Mekenovich - кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой,
кафедра кыргызской литературы,
Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: в статье автором утверждается, что в устном народном прозаическом творчестве кыргызского и казахского народов существуют такие произведения, которые далеки от романтических народных сказок, передают реальную жизнь и могут рассматриваться как самостоятельные жанры профессиональной письменной литературы. Сейчас появляется все больше мнений современных ученых о том, что неправильно все без исключения народные прозаические произведения включать в жанр народной сказки.

Автор предлагает обратиться к трудам М. Ауэзова, в частности к “Салт эртегилери”, посвященной устному народному творчеству, еще раз посмотреть критическим взглядом, проанализировать существующие до сих пор «определения» понятий, выделить отдельно произведения, которые являются прекрасными образцами письменной литературы, но проросли в устном народном творчестве, дать им достойную оценку, выявить их происхождение, определить их жанровую принадлежность. Тогда эти произведения, которые рассматриваются лишь как одна из ветвей устной речи, обретут свои свойства, отличные от фольклорных произведений, избавятся от сказочной односторонности.

Только проведение глубоких исследований в этом направлении даст возможность обладать бесспорной, детально научно-исследованной концепцией возникновения кыргызской письменной литературы.

Ключевые слова: устное творчество, народные сказки, эпическое произведение, жанр, жанровая классификация, устная литература, письменная литература, профессиональная литература, фольклор, литературоведение.

На первый взгляд кажется, что между этими двумя точками зрения нет ничего общего. Так как, М. Ауэзов в своем исследовании «Салт эртегилери» обращался к сказкам в казахском народном творчестве, дал им определение, которая считается точкой зрения высокого научного уровня. Действительно, в данной точке зрения М. Ауэзов имел в виду все традиционные творения, созданные казахским народом, поэтому в «Салт эртегилери» были включены и все прозаические произведения устного народного творчества. Но в то же время, он отмечает наличие в них особых произведений, которые отличаются от сказок, которые невозможно отделить от реальности, так как в них в полной мере были сохранены явления из жизни казахского народа с древних времен до феодальной эпохи.

Такие явления можно наблюдать и у кыргызов, другими словами, «как и все другие произведения, народные сказки сопутствовали во всех исторических эпохах, выражая мечты, традиции и обычаи в хитросплетениях разных событий [3, с. 481-482].

Если придерживаться данной точки зрения, то и все академические издания подтверждают, что в целом объединяют все эпические произведения, которые существуют не только в устной, но и стихотворной форме и относятся к понятию «эпос», объединены в жанр сказок. Хотя немного ранее все подобные произведения имели общее название, сейчас сказка как прозаическое произведение, имеет свое самостоятельное жанровое определение. Но несмотря на это, надо признать, что до сих пор в этом вопросе есть много неопределенностей. К сожалению, до сих пор не определены жанровые границы, свойства содержания и формы, хотя мы не перестаем утверждать, например, что «кыргызские народные сказки, как и сказки других народов, тысячелетиями передавались из поколения в поколение как уроки жизни, до сих пор не утратили своего значения, глубоко проникая в культуру как художественное произведение», поэтому все произведения кыргызского устного народного творчества разного содержания в целом принято считать сказками.

Несмотря на попытки определения жанровой природы данных произведений, имеющих богатое содержание, с учетом национального своеобразия, особенностей формы, сюжетного построения, чувствуется влияние ограниченной классификации советского периода.

В частности, теория фольклористики, разработанная под влиянием русской литературы, несмотря на разительные содержательные отличия, относится и к кыргызским сказкам. Там все они разделены на сказки о животных, волшебные сказки и бытовые сказки.

Хотя кажется, что сказки всех народов одинаковы, народные сказки кыргызского и казахского народов имеют свои особенности и недаром они и называются «жөө жомок», т.е. «сказка, доходящая до всех», (далее будем называть народной сказкой), объединяя под этим названием все народные прозаические произведения.

Необходимо отметить, что М. Ауэзов, понимая, что в устном народном творчестве существуют прозаические произведения, которые не подпадают под определение «жөө жомоктор», т.е. народные сказки, отмечает их отдельно как традиционные сказки («салт эртегилери»), при этом классифицируя их под общим определением «народные сказки».

М. Ауэзов справедливо акцентирует на том, что в исследуемых им традиционных сказках опущены человеческие отношения, но, как и все реальные произведения, богаты содержанием, где художественно изображаются быт трудового народа, явления тяжелой трудовой жизни, отражаются мечты людей.

Действительно, читатель никак не может отнести их к сказкам, так как в данных произведениях изображаются реальные события с настоящими персонажами из жизни, также описываемые в них сюжетные линии близки не к фольклору, а к современным профессиональным произведениям. Если в недалеком прошлом было принято все устные народные произведения относить к сказкам, то теперь кыргызское литературоведение может дать полное определение каждому жанру, рассмотреть жанровую принадлежность реалистических произведений.

Будь то стихотворное или прозаическое произведение, нельзя отрицать и того, что есть особенности, из-за которых сказку можно отнести в фольклорным произведениям. Не секрет, что в настоящее время среди произведений устного народного творчества есть такие, которые отличаются от настоящего фольклорного мышления по решаемым проблемам, по способу изложения событий. Обращает на себя внимание отсутствие фольклорного мышления в таких прозаических произведениях, наоборот, сюжет, далекий от романтического, в которых передается настоящее представление о жизни, реальные воображения через свойства, близкие к профессиональному творчеству. В таких произведениях события изображаются правдиво, в отличие от бытовых народных сказок, где все события передаются лирично, через романтическое воображение и мечтания. Есть явные признаки, по которым читатель, знакомый со сказками и профессиональными произведениями, всегда может заметить различие между устным народным творчеством и реальным творчеством.

М. Ауэзов особо выделяет такие произведения, которые характерны кыргызскому и казахскому народам в отдельные традиционные произведения, в которых общественно-бытовое мировоззрение имеет различное отражение.

Также в данном разделе своего исследования М. Ауэзов отмечает, что «сказки казахского народа недостаточно исследованы, и рассматривать сегодняшнюю художественную прозу (романы, рассказы), традиционные романы, широко распространенные в народе (народные романы), исторически долгий рассказ (повесть), историческую хронику, самые первые короткие рассказы (новеллы), интересно построенные острые рассказы, нравоучительные рассказы, юмористические рассказы, геройские рассказы, биографические рассказы, приключенческие рассказы тоже можно найти в этой группе, как сказки романтического толка невозможно» [2, с. 236]. Высказывания ученого ясно говорят о том, что в данном направлении необходимы исследования и поверхностное объединение всего народного творчества под названием «народные сказки» не соответствует истинному их значению.

Сейчас появляется все больше мнений современных ученых о том, что неправильно все без исключения народные прозаические произведения включать в жанр народной сказки, но есть и попытки объяснения истоков такой классификации, оправданности, как и какими путями они попали в данный жанр. Даже при отсутствии единого мнения по данному вопросу, большинство ученых выражают точку зрения, что все народное творчество невозможно классифицировать как жанр народных сказок. Но при рассмотрении особенностей произведения, они обращаются к разным истокам и мнения их разнятся. Некоторые ученые видят истоки в древних мифах, утверждая, что прозаический жанр в устном народном творчестве берет начало в мифологическом миропонимании, всячески доказывая это разными источниками. Например, казахский ученый С. Каскабасов утверждает, что основным источником народного творчества является мифология, что имеет право на существование как самостоятельный жанр [4, с. 13-14]. С. Каскабасов не придает значения тому, что все прозаическое устное народное творчество не может поддаваться единой логике, единым художественно-эстетическим требованиям.

Неоспоримая правда и то, что среди произведений устного народного творчества наряду с романтическими произведениями, далекими от реальности, есть произведения по-настоящему правдивые, реалистичные, взятые из самой кипучей жизни и переданные устно, относящиеся к перечисленным выше М. Ауэзовым жанрам. Как мы не можем эти многогранные произведения отнести полностью к жанру сказок, также невозможно считать их мифами. Поэтому необходима классификация прозаических произведений народного творчества по жанрам, отделяя сказки от мифов, мифы от произведений других жанров, а не считать все произведения мифами с точки зрения С. Каскабасова.

Следовательно, искать истоки прозаического народного творчества нужно не для поднятия их престижа, это необходимо только для придания им соответствующей номинации, рассмотрения их наряду с другими видами и жанрами литературы, не умаляя их значимости.

Важность этой задачи подчеркивают слова академика А. Эркебаева: «Возможно ли отрицание человечеством прозы и мышление только поэтическими образами и категориями? Неужели извечно

проза была пасынком словесного искусства? А как тогда быть с мифами, сказками, легендами, былинами, рассказами, романами, ставшими широко известной сферой в «неизвестной народной прозе»? Что делать тогда с прекрасным наследием письменной прозы греков, индийцев, китайцев, арабов и персов до новой эпохи, возникших в древние и средние века? Может правильнее будет говорить о том, что речь идет об историческом разрыве между практикой и теорией прозы?» [4, с. 45].

Как правильно отметил А. Эркебаев, нельзя считать все правильным, опираясь на некие мнения прошлых лет. Появляется необходимость придания каждому понятию своего исторического значения, определения его ценности, опираясь на мировое литературно-теоретическое мышление. Другими словами, в кыргызской народной прозе присутствуют не только сказки и мифы, но и настоящие произведения, имеющие отношение к письменной литературе, отличающиеся от фольклора по своим художественно-эстетическим требованиям, художественному отражению жизни, и определение истоков и их достойного места означает не только выявление жанровой природы, но и является исследованием исторического пути кыргызской литературы.

Это имеет значение и для упорядочивания некоторых понятий, потому что, до настоящего времени среди прозаических произведений народного творчества, названных бытовыми сказками, встречаются творения, не поддающиеся жанровому анализу. Хотя в целом по выбранной тематике, острому характеру изображения социальных явлений, отдельным художественным особенностям они близки к обыкновенным сказкам, по системе образов, итоговому пафосу произведения они резко отличаются от них. Поэтому, нашей задачей является не только ограничение определением природы жанровой принадлежности, его номинации, но и определение генезиса возникновения в кыргызской литературе произведений, изображающих правдивые образы и события из реальной жизни, не характерных для романтических, отдаленных от реальности творений устного народного творчества.

Притом, что М. Ауэзов в своем исследовании «Салт эртегилери» вышеназванные произведения рассматривает в устном народном творчестве, они имеют свое название, он ставит их в особое жанровое положение. Эти жанры целиком и полностью встречаются и в кыргызской литературе, поэтому разностроннее исследование их, акцентируя свое внимание на том, откуда они были привнесены в устное народное творчество, даст толчок развитию кыргызского литературоведения, которое до сих пор не нашло свое достойное место в мировой литературе и по всем вопросам находится на задворках, потому что, жанр объемных народных романов, длинных рассказов (повестей), некоторые виды маленьких рассказов устного народного творчества, названный и поверхностно исследованный М. Ауэзовым, был бы оценен по достоинству, получил бы возможность определения своего места в письменной кыргызской литературе. А если рассматривать еще глубже, то создалась бы возможность оценки и более полного раскрытия кыргызским литературоведением понятия кыргызской письменной литературы, так как понятно, что жанры, присущие ей никогда не могут быть созданы художественно-эстетической природой устного народного творчества. Такое резкое одностроннее суждение не для того, чтобы поставить в противоположность устную и письменную литературу, а объясняется старанием показать различие между устной и письменной литературой в изображении реальной жизни.

Действительно, никто не поверит утверждениям о том, что рассказы, длинные рассказы(повести), устные романы, исторические притчи, геройские повествования и другие произведения, передающиеся из уст в уста в народе, существующие в кыргызской устной литературе произошли от древних мифов, потому что о существовании очевидных художественно-эстетических, литературно-теоретических отличий между фольклорной и письменной профессиональной литературой может отметить даже человек, неосведомленный в филологии.

Значит, в исследовании происхождения вышеназванных жанров в устной кыргызской литературе, необходимо создать условия для их жанрового разграничения, через рассмотрение их в тесной связи с устным народным творчеством, опираясь на письмена, использованные кыргызским народом, произведения, возникшие под их влиянием, что может поставить точку по вопросу, который поднимается в данной статье.

Следовательно, только тогда, когда ученые, исследующие кыргызскую литературу, в том числе и устное народное творчество, обратятся к трудам М. Ауэзова, посвященным устному народному творчеству, еще раз посмотрят критическим взглядом, проанализируют существующие до сих пор «определения» понятий, выделяют отдельно произведения, которые являются прекрасными образцами письменной литературы, но проросли в устном народном творчестве, дадут им достойную оценку, выявят их происхождение, эти произведения, которые рассматриваются лишь как одна из ветвей устной речи, обретут свои свойства, отличные от фольклорных произведений, избавятся от сказочной одностронности.

Да, такая точка зрения может вызвать горячие споры, но несмотря на это, только проведение глубоких исследований в этом направлении даст нам возможность обладать бесспорной, детально научно-исследованной концепцией возникновения кыргызской письменной литературы.

Литература

1. *Ауэзов М.* Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959.
2. *Каскабасов С.* Казахская народная проза. Алма-Ата, Гылым, 1984.
3. Кыргыз адабиятынын тарыхы. Бишкек, 2004, 1 том.
4. *Эркебаев А.* Кыргыз адабиятынын аз изилденген барактары. Бишкек, 2004.